J. HEURGON, Rome et la Méditerranée Occidentale jusqu'aux guerres Puniques, P., 1969, 407 стр.

Книга Ж. Эргона вышла в серии «Nouvelle Clio. L'Histoire et ses problèmes». В предисловии автор предупреждает, что его очерк не может заменить такой превосходный труд, как «Римское завоевание» Андре Пиганьоля [1]. Отдавая должное скромности автора и его уважению к памяти учителя, которой посвящена книга, следует сразу отметить, что, на наш взгляд, очерк Эргона не только не уступает соответствующему разделу упомянутой работы, но и в некоторых отношениях превосходит его.

Удачна сама структура книги, позволяющая каждому интересующемуся историей получить представление о новейших данных, спорных проблемах и путях их решения.

Первая часть книги — «Общая библиография» — содержит список из 772 названий исторических трудов, систематизированных и распределенных по разделам, которые нацеливают читателя на изучение важнейших проблем экономической, социальной и культурной истории.

Вторая часть книги — «Наши знания» (стр. 54—349) — уделена изложению истории по проблемам. Приводимые автором факты отобраны и проверены с точки зрения их достоверности и исторической значимости.

Первая глава — «Le fonds primitif de la population» — открывается разделом посвященным вступлению народов Италии в историю. После кратного обзора этнической карты Италии по данным античной традиции, автор переходит к общей оценке данных археологии и к последовательному рассмотрению италийских археологических культур начиная с эпохи неолита. Ж. Эргон использует новейшие археологические данные, во многом изменившие наши представления о начальных эпохах истории. После открытий Бернабо Бреа на Липарских островах была разработана новая хронология неолита не только Эолийского архипелага и Сицилии, но и всего Европейского Запада. Начало неолитической эпохи относят уже не к 3000 г. до н. э., а к IV тыс. до н. э. и выделяют различные периоды неолита в зависимости от изменения форм кремневых орудий и керамики. Халколит по материалам тех же Эолийских островов и Сицилии датируется 2400—1900 гг. В погребениях халколита, в последнее время лучше всего изученных на юге Италии, находят от 2 до 25 костяков с оружием (главным образом из камня), черную лощеную керамику в форме кувшинов с одной ручкой или сосуды, называемые «солонками», которые, кажется, служили светильниками. Эпоха бронзы Италии представлена культурами свайных построек, террамар, апеннинской культурой (стр. 62—66).

Между концом эпохи бронзы и началом железного века в последнее время выделяют переходный период, характеризующийся культурой полей погребальных урн. Для нее характерна интенсивная эксплуатация рудников, значительный прогресс металлургии, позволивший изготавливать оружие высокого качества. Некоторые археологи считают родиной этой культуры Среднюю Европу, где она известна под именем лужицкой культуры. Но, как справедливо указывает Я. Филипп, «понятие южногерманских или прирейнских (североальпийских) полей погребальных урн не тождественно с понятием лужицкой культуры, хотя некоторые признаки общи для обеих культур» [2]. На западе культура полей погребальных урн хорошо известна к северу от Альп, открыта во Франции и Испании.

[1] A. Piganiol, Conquête romaine, P., 1967 (5 ed.).

[2] Я. Филипп, Кельтская цивилизация и ее наследие, Прага, 1961, стр. 19.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В Италии эта культура представлена некрополями XII в. до н. э. в Пианелло ди Генга и Тиммари (Апулия). Последний памятник, видимо, принадлежал японцам. Разрушение поселений на Эолийских островах и в Сицилии, прекращение микенского импорта, изменение погребального обряда связывают с этническими передвижениями этого переходного периода (стр. 68).

Металлургия культуры полей погребальных урн нашла дальнейшее развитие в начале I тыс. до н. э., когда сформировались две сходные по формам техники и искусства культуры раннего железа — гальштаттская культура и культура Виллановы (последняя на почве Италии). Ж. Эргон использует новые археологические данные, свидетельствующие, что ареал культуры Виллановы охватывал и Южную Италию (некрополи к югу от Анконы, близ Пестума, и к юго-востоку от Салерно). В этих местах виллановцы, как показывает анализ погребений, смешались с местным населением (стр. 72).

Детально рассматривается в рецензируемой работе латинская культура, развивавшаяся под влиянием виллановцев (с севера) и Fossakultur с юга. Ее памятниками являются некрополи на римских холмах и в Альбанских горах (Кастельгандольфо), а также остатки хижин. Последние исследования изменили господствовавший прежде взгляд, согласно которому римские некрополи моложе альбанских. Тем самым потеряла опору легенда об основании Рима выходцами из Альбы-Лонги (стр. 75). «Латинская культура,— подчеркивает Ж. Эргон,— не выросла на пустом месте. Формы ее керамики и украшений содержат апеннинские пережитки» (стр. 77). Эти связи с предшествовавшей ей на той же территории культурой были выявлены лишь в последнее время. Рим вырос на поселении эпохи бронзы.

Вопрос о возникновении Рима решается Ж. Эргоном на археологическом материале. Население (латины) заселяло холмы, которых было более семи (помимо Палатина, Авентина, Капитолия, Квиринала, Виминала, Эсквилина, Целия также Оппий, Велия, Гермал, Фагутал, Циспий). Низины между холмами заливались водами Тибра и до осушительных работ этрусков представляли собой болотистые низины, использовавшиеся как пастбища и некрополи. Никаких археологических данных о народах, предшествовавших латинам, не сохранилось, а сабины археологически не прослеживаются. Объединение поселений в город произошло при этрусских царях, превративших низину между Капитолием и Палатином в форум — центр торговой и политической жизни города.

Более кратко Ж. Эргон рассматривает проблемы доисторического населения Франции. На основании некоторых древних свидетельств Арбуа де Жюбенвилль [3] и Камилл Жюлиан [4] постулировали существование обширной лигурийской империи эпохи бронзы, предшествовавшей кельтскому вторжению. Автор не решается дать название предшественникам кельтов в эпоху бронзы. Он также не находит оснований вслед за П. Бош-Гимпера [5] отождествлять носителей культуры полей погребальных урн с кельтами, не считает чисто кельтской и гальштаттскую культуру. Лишь для V в. до н. э., с началом латенской культуры, полагает автор, можно говорить о кельтской цивилизации в Галлии.

Еще лаконичнее Ж. Эргон при рассмотрении проблем этногенеза Испании. Он характеризует проблему образования иберийской народности и ее связи с кельтами, опираясь на исследования П. Бош-Гимпера, Л. Перикота-Гарсия, М. Гомес-Морено (стр. 100—102).

Читателя, знакомого с превосходными этрускологическими исследованиями Ж. Эргона [6], не удивит высокий уровень второй главы — «Этруски в Этрурии». С завидной четкостью автор определяет свое отношение к проблемам возникновения этрусских городов, их политического и социального устройства, этрусской экспансии на суше и море, к характеру этрусского искусства, религии и языка. Ж. Эргон не сомневается в рабовладельческом характере этрусского общества, в широком использовании этрусками рабов в рудниках, карьерах, на ирригационных работах и в сельском хозяйстве (стр. 112). Автор полагает, что часть этих рабов, будучи отпущена на свободу, находилась в зависимости от своих патронов и обеспечивала их политическое влияние и господство над рабами (lautni). Существовала также прослойка клиентов (etera), находившаяся под опекой специального претора (стр. 113).

Характеризуя, и вполне справедливо, представления Бахофена о матриархате у этрусков как «заблуждение», Ж. Эргон в то же время считает правильным мнение древних авторов о высоком социальном и политическом положении женщины в этрусском обществе (стр. 113).

Этрусскую религию в отличие от религий греков и римлян, но подобно иудейской и христианской Ж. Эргон считает «религией откровения». Ее возвестили своему народу пророки и полубоги (Таг, нимфа Вегойя), и она была изложена в священных книгах (disciplina etrusca),

[3] Arbois de Jubainvill, Les premiers habitants de l'Europe, P., 1889.

[4] C. Jullian, Histoire de la Gaule, I, P., 1889.

[5] P. Bosch-Gimpera, Les Indo-Européens. Problèmes archeologiques, P., 1961.

[6] J. Heurgon, La vie quotidienne chez les Étrusques. P., 1961 и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

содержавших свод правил и процедур, с помощью которых жрецы могли определить волю богов (стр. 116). К сожалению, автор не пытается выяснить, чем объясняется эта особенность этрусской религии: связано ли «откровение» с уровнем и особенностями общественного развития этрусков, или это результат их восточного происхождения, в котором автор не сомневается?

Попытки отнести этрусский язык к индоевропейским и истолковать его на основе хеттского или греческого Ж. Эргон отвергает, справедливо, на наш взгляд, подчеркивая его неиндоевропейский характер. Он считает бесперспективным этимологический метод интерпретации этрусского языка и возлагает все надежды на комбинаторный метод, отмечая, что с ним были связаны определенные успехи в понимании этрусской лексики и грамматики (стр. 119). Ж. Эргон подчеркивает особую роль этрусков в распространении алфавита среди латинов, осков, умбров, венетов. «Вся Италия благодаря им научилась писать» (стр. 119).

Третья глава носит название «Внешние факторы культуры». Автор имеет в виду колонизационный поток, исходивший из более развитых стран Восточного Средиземноморья и имевший своим результатом образование на берегах Италии, Сицилии, Сардинии, Галлии, Испании, Северной Африки множества городов. Но можно ли считать, что колонизация была процессом односторонним, внешним и в ней не играло никакой роли социально-экономическое развитие местного населения? Автор этого вопроса не ставит.

Первый этап колонизации, выделенный Ж. Эргоном,— посещение микенцами Италии в эпоху бронзы. Он представлен легендарной традицией о плаваниях Одиссея, Диомеда, Энея, о посещении Сицилии Дедалом и Миносом[7]. В последние годы открытия на Липарских островах, Искии, Виваре, в Копа Невигата у подножия Гаргано (Адриатика), Скольодель-Тонно у Тарента, С. Козимо д'Орча (древняя Hiria) между Тарентом и Бриндизи многочисленных фрагментов микенской керамики, как справедливо указывает Ж. Эргон, сделали микенский период освоения Италии исторической реальностью. Автор вслед за открывателем микенской культуры в Италии Л. Бернабо Бреа считает, что Эолийские острова были эмпориями ахейских торговцев-мореплавателей и что единственная пока известная нам их колония находилась в глубине залива Таранто у Сколь-дель-Тонно. В конце 50-х годов на основании керамики полагали, что это была «колония родосцев»[8]. Позднейшие находки показали, что связи с Родосом были наиболее интенсивными в последнее столетие существования «колонии» (1265—1125 гг.), а в предшествующее время (1425—1265 гг.) — с культурами Арголиды и Афин[9].

Ж. Эргон склонен высоко оценивать значение итало-микенских связей, полагая, что они способствовали превращению Южной Италии из страны пастухов и полукочевников в сельскохозяйственную территорию с оседлым населением (стр. 124).

Второй период колонизации Запада связан, как считает автор, с деятельностью финикийцев, охватившей все районы, начиная с Сицилии и Италии и кончая Атлантическим побережьем Испании и Африки. Касаясь историографии финикийской колонизации, автор отмечает наличие двух тенденций: «финикомании» и «финикофобии». С первой он связывает труды исследователя середины прошлого века Ф. Моверса[10], считавшего финикийцев изобретателями алфавита, создателями геометрии, арифметики и всех других наук. Тот же «восточный мираж» ослепил В. Берара, который стремился вскрыть финикийские источники гомеровских поэм[11]. Противоположное направление, представленное Ю. Белохом[12] и другими «финикофобами», стремилось, по выражению С. Рейнака, «восстановить права Европы от притязаний Азии» и чуть ли не исключало самих финикийцев из колонизационного процесса. Ж. Эргон констатирует, что археология не подтвердила высокой традиционной датировки финикийской колонизации Запада, но в то же время отвергла попытки последнего из «финикофобов», Р. Карпентера[13], отдать приоритет греческой колонизации (стр. 128). Ж. Эргон, таким образом, пытается найти среднюю линию между двумя крайними направлениями и считает, что пора отказаться от односторонности того и другого подхода, рассмотрев комплекс всех данных — литературных, эпиграфических, археологических — для выявления реальности финикийской колонизации Запада и ее хронологии (стр. 129).

Ж. Эргон выделяет предколонизацион-

[7] Внимание к этой традиции было привлечено трудами Т. Дунбабина и др. T. Dunbabin, Minos and Daidalos in Sicily, «Papers of the British School in Rome», XVI, 1948, 1.

[8] F. Biancofiore, La ceramica micenea dello Scoglio del Tonno e la civiltà del bronzo tardo nell' Italia meridionale, RIA, 7, 1958, стр. 5 сл.

[9] F. Biancofiore, La civiltà micenea nell' Italia meridionale, Roma, 1963.

[10] F. C. Movers, Geschichte der Phoenizier, B., 1841.

[11] V. Berard, Les Phéniciens et l'Odyssée, P., 1903.

[12] J. Beloch, Die Phoenikier im aegeischen Meer, RhM, 49, 1894, стр. 111—132.

[13] R. Carpenter, Phoenicians in the West, AJA, 62, 1958, стр. 35 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ную эпоху деятельности финикийцев, когда последние совершали плавания в неведомые земли за золотом Офира и серебром Таршиша. Эта эпоха нашла отражение в поэмах Гомера и истории Геродота. Археологически она подтверждается находками в Сицилии (культура Кассибиле — 1000—850 гг. до н. э.) и в Сардинии.

В отдельный параграф выделена проблема Тартесса, долгое время отождествлявшегося с библейским Таршишем. Ж. Эргон не находит оснований для этого отождествления, полагая, что Таршиш этимологически объясняется как «рудник» или «район рудников» и что это слово применялось к разным странам и местностям Востока и Запада — Тарсу, Тунису, Тартессу. Автор считает, что нигде в Средиземноморье нет следов основания колоний финикийцами ранее VIII в. до н. э. Нам кажется, однако, что находки в Торре-дель-Мар в 28 км к востоку от Малаги говорят о IX в. до н. э. как начале регулярной финикийской колонизации Испании. Что касается финикийских колоний на Мальте, в Сицилии, Тунисе, Сардинии, то действительно, ни одна из них не старше 800 г. до н. э., а большинство, по археологическим данным, датируется VII—VI вв. до н. э.

В связи с вопросом о времени основания Карфагена Ж. Эргон подробно разбирает гипотезу немецкого ассириолога Е. Форрера [14]. Последний считает, что «Карт» в слове «Картхадашт» имеет значение не просто «город», но «столица». Исходя из этого, дату основания Карфагена он ищет в том отрезке времени, когда метрополия Карфагена — Тир — перестала быть столицей, постулируя решение о перенесении столицы в Африку. Этот отрезок времени определяется десятилетием владычества Ассаргадона (673—663 гг. до н. э.). Традиционную дату основания Карфагена (814 г. до н. э.) Форрер объясняет путаницей: Карфаген африканский, по его мнению, был спутан с Карфагеном на Кипре (Китионом), будто бы завоеванным Тиром в 814 г. до н. э. Отвергая эту «соблазнительную конструкцию», Ж. Эргон отмечает, что ни Картхадашт, ни Китион, ни Карфаген не рассматривались как «новая столица», которая должна была заменить метрополию. Находясь под ассирийским протекторатом, Тир участвовал в колонизационном движении. И наконец, дата 673—663 гг. до н. э. противоречит археологическому материалу с территории Карфагена, датируемому 750—730 гг. до н. э. Достаточно подробно и глубоко, с привлечением новейшего археологического материала в книге рассматривается пунийская колонизация в Африке, Сицилии, Сардинии и Италии (стр. 143—150).

Греческая колонизация Сицилии, Южной Италии, берегов Галлии и Испании представляет, по определению автора, «третий и наиболее важный из факторов цивилизации, действовавших в Западном Средиземноморье» (стр. 150). Колонизационный процесс начинается в VIII в. до н. э. под влиянием экономических и социальных причин, рассмотрение которых не входит в задачу автора. Эргон полагает, что морские дороги на Запад, открытые эгейскими мореплавателями, не были забыты, и морская активность не прекращалась на протяжении столетия, отделявшего падение микенской цивилизации от основания первых греческих колоний на Западе.

Анализ колонизационной деятельности греков Ж. Эргон начинает с халкидян и эритрейцев, основавших в Кампании Кумы и в Сицилии Наксос. Титу Ливию было известно, что, до того как поселиться в Кампании, халкидяне заняли островок Питекуссы (Иския) у ее берегов (VIII, 22, 5). Ж. Эргон, опираясь на материалы раскопок Бюхнера в 30—40-х годах нашего века [15], полностью принимает эту традицию и полагает, что поселение на Питекуссе древнее Кум на 30 лет и относится к 770 г. до н. э. Поселенцы Питекуссы установили контакты с варварами Кампании и после того переселились на полуостров (стр. 151).

Ж. Эргон подчеркивает, что Кумы (и Питекуссы) были не только самой древней, но и наиболее богатой и прочной греческой колонией Запада. Такое ее положение основывалось на посреднической торговле металлами, добывавшимися на острове Эльба и в Этрурии.

В этой связи автор касается основания Занкл (Мессина) и Регия. Эти колонии находились на торговом пути между Этрурией и Грецией, контроль над которым обеспечил процветание халкидских центров. Следами халкидской монополии автор вслед за Ж. Валле [16] считает широкое распространение в этрусских городах аттической керамики и почти полное отсутствие коринфской, доставлявшейся в районы, не контролируемые халкидянами (города Восточной Сицилии и Тарент). Ж. Эргон считает возможным поддержать тезис Ж. Валле о существовании настоящей халкидской империи, морской и сухопутной, и некоей халкидской культурной койне.

Рассматривая колонизационную деятельность других греков, Ж. Эргон прослеживает появление первых колоний в Сицилии и Великой Греции, а также ка-

[14] E. R. Forrer, Karthago wurde erst 673—663 begrundet, «Festschrift F. Dornseif», Lpz, 1953.

[15] Г. Бюхнер (BPI, I, 1936, стр. 97) обнаружил на островке фрагменты древней керамики, неизвестной в Кумах.

[16] G. Vallet, La colonisation chalcidienne et l'hellénisation de la Sicile orientale, «Kôkalos», 8, 1962, стр. 30—51.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сается сложных вопросов их хронологии. Специальные параграфы посвящены отношениям между метрополиями и колониями, между колонистами и местными жителями. Солидаризуясь с Ж. Валле в вопросе о «халкидской империи», Эргон сомневается в правильности другого его положения: что каждая колония находилась в особых экономических отношениях со своей метрополией.

Четвертая глава — «Рим при царях» — содержит обстоятельную характеристику политических и социальных учреждений римлян в древнейшую эпоху. Ж. Эргон — принципиальный противник широко распространенной в современной западной науке патриархальной теории. Родовая организация лежит, по его мнению, в начале социально-политической эволюции римского общества. Gens определяется как группа лиц, связанных кровным родством. Общность происхождения находит выражение в сохранении членами рода общего имени, в общности религии. Исходя из родовой организации, Ж. Эргон объясняет раннюю клиентелу. Клиенты рассматриваются им как члены рода, занимавшие в нем особое положение. Существенный элемент клиентелы составляли обязательства морального порядка, основанные на взаимном доверии. В историческую эпоху главным источником клиентелы Ж. Эргон считает освобождение рабов. Но первоначально клиентами были сельские жители, подчиненные родам, владевшим землей. Таким образом, Ж. Эргон признает коллективную родовую форму собственности на землю и понимает ее значение. Фамилию Ж. Эргон рассматривает как вторичное явление, как результат разложения рода. Касаясь гипотез новейших ученых о соотношении gens и familia, автор не находит оснований для поддержки взглядов сторонников приоритета фамилии (стр. 196).

Исходя из своего понимания родовой организации, Ж. Эргон видит в плебсе население, стоявшее вне древних родов, и считает наиболее резонной ту теорию происхождения плебса, согласно которой последний образовался в результате инфильтрации элементов, не входящих в древние роды. Появление этих элементов объясняется экономическими факторами — переселением иностранных ремесленников и торговцев, привлеченных большими возможностями Рима, а также покровительственной политикой этрусских царей. Предложенную в свое время Т. Моммзеном идентификацию плебса и клиентелы автор отвергает, так же как и теории, согласно которым плебс образовался из населения, насильственно переселенного в Рим и подчиненного завоевателям — сабинам или этрускам.

Антагонизм между плебеями и патрициями Ж. Эргон справедливо считает изначальным явлением римской социальной жизни и в этой связи критикует мнение исследователей, полагавших, что в царский период патриции и плебеи составляли единый политический организм, а разделившая их пропасть — явление более позднее, результат законодательства децемвиров [17].

В связи с изучением характера примитивной царской власти Ж. Эргон рассматривает древнейший римский календарь, в котором отражены магическо-религиозные функции царя-жреца. Религиозный характер царской власти виден также из документа, открытого под Черным камнем, на форуме. В нем, скорее всего, следует видеть указание на самого царя, а не на жреца — наследника его религиозных функций. «Поразительно, что во времена появления надписи, при царях Сервии Туллии или Тарквинии Гордом, не были забыты авгуральные функции, которые, согласно традиции, в первые времена римской монархии придал царской власти Нума» (стр. 206). Этот факт, по мнению Ж. Эргона, может быть объяснен лишь тем, что авгуральные функции были свойственны и царской власти этрусков. Автор поддерживает К. Латте в его стремлении доказать, что лунно-солнечный календарь, который традиция приписывает Нуме, был введен этрусками в середине VI в. до н. э.[18] За это говорит название некоторых месяцев (aprilis), названия дней (Иды), праздники (вольтурналии, сатурналии). Интересна попытка определить судебные права царя, исходя из Leges Regiae, редактирование которых приписывалось современнику Тарквиниев — легендарному Папирию (стр. 209 сл.).

Прослеживая эволюцию сената, Эргон вопреки исследователям, трактующим patres как patres familiarum, настаивает на первоначальной связи сената с родами. Лишь во времена Тарквиния Древнего, добавившего сто новых сенаторов, составление сената перешло от gentes к царю, и сенат тем самым превратился в государственный совет. Сенаторы, названные Тарквинием patres minorum gentium, отличались от представителей древних родов — maiores: «Тогда впервые в родовой организации был введен принцип неравенства, и, кажется, в то же время патрициат сложился как класс» (стр. 220).

Второй раздел главы о царском Риме посвящен истории царей, элементы которой извлекаются из легенд. Древнейшая из этих легенд возводит происхождение римских царей к выходцам из Трои.

[17] H. M. Last, The Servian Reforms, JRS, 35, 1945, стр. 30—48. См. нашу критику этих взглядов в статье «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (ВДИ, 1959, № 2, стр. 153 сл.).

[18] K. Latte, Römische Religionsgeschichte, München, 1960.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Находки в Вейях терракотовых фигурок Энея с отцом Анхизом на плечах и надписи показывают широкое распространение троянской легенды в Этрурии и ставят вопрос, не были ли ее распространителями этруски. Вслед за А. Альфельди [19] Ж. Эргон отвечает на этот вопрос положительно и находит в троянской легенде реальное зерно. Измышлением мифографов считает автор легенду об основании Рима выходцами из Альба-Лонги (стр. 225).

Исследователю истории раннего Рима приходится иметь дело не только с легендами древности, но и с мифами, возникшими в самой современной науке. Их источником явились гипотезы, выдвигавшиеся учеными начиная с XVIII в. Многие из этих гипотез имеют теперь чисто историографический интерес, и к ним Ж. Эргон в книге такого профиля мог не обращаться. Но он не мог избежать оценки «блестящих гипотез» Ж. Дюмезиля, применившего к области раннеримской истории приемы сравнительной мифологии [20]. Признавая метод Дюмезиля полезным при истолковании римской и италийской религий, Ж. Эргон отмечает его слабость при объяснении фактов политической истории раннего Рима. Ж. Дюмезиль не учитывает слои различного происхождения в римской легендарной традиции, в том числе этрусского слоя, который не может быть объяснен с помощью индоевропейских параллелей. Он не принимает во внимание определенных политических тенденций в пересказах римских легенд у Проперция, Вергилия, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского.

В традиционных рассказах о первых четырех римских царях Ж. Эргон видит смешение разновременных и различных по происхождению мифологических мотивов и этимологизирующих приемов. Три последних царя рассматриваются как реальные личности, хотя и окруженные легендами. Наиболее интересной фигурой из них он считает Сервия Туллия, связывая его появление в Риме со вторжением в середине VI в. до н. э. армии из Вольцев. При этом автор выступает против отнесения приписываемых Сервию Туллию реформ к республиканской эпохе (стр. 244 сл.).

В заключительной главе второй части книги Ж. Эргон излагает историю Римской республики до Пунических войн. Последовательно рассматриваются изгнание Тарквиниев, дата основания республики, учреждение консулата, формирование патрициата, возникновение власти народных трибунов и другие вопросы политической организации Римской республики. К сожалению, не выделен в особый раздел такой общий вопрос, как борьба патрициев и плебеев, составляющая основной стержень истории Римской республики в изучаемый автором период. Факты, связанные с этой борьбой, разбросаны по разделам, отчего утрачивается цельность общей картины социальной борьбы.

В разделе, посвященном началу римской экспансии в Италии, автор прослеживает отношения римлян с латинами, сабинами, этрусскими городами. Новизной материала отличаются параграфы «Рим и Цере» и «Морская экспансия Рима». Ж. Эргон достаточно убедительно показывает ошибочность тезиса, согласно которому до I Пунической войны римляне не имели флота и морских интересов. Он считает заслуживающим доверия сообщение Феофраста (VI, 8, 2) о попытке римлян уже в IV в. до н. э. основать колонию на острове Корсика и ставит с ним в связь рассказ Диодора Сицилийского (XV, 27, 4) о посылке 500 колонистов в Сардинию. На основании литературных источников Ж. Эргон приходит к выводу о союзе между Римом и Цере и допускает использование римлянами флота Цере и его портов. В этой связи, как он полагает, становится понятным сообщение Юстина (XLIII, 5, 10) о заключении в 368 г. до н. э. союза Рима с Массилией и римско-карфагенский договор 348 г. до н. э. (стр. 303).

Глубокое знание источников и литературы обусловило достоинства раздела, посвященного заключительному этапу завоевания Италии: роспуску Латинского союза, аннексии Кампании, самнитским войнам, завоеванию Этрурии, войне с Пирром. Наряду с данными традиции при характеристике господства Пирра в Великой Греции автор использует недавно найденные локрийские надписи. Он отмечает, что в Фуриях и Таренте, так же как в Капуе и Неаполе, местная аристократия поддерживала римскую интервенцию не только из страха перед варварами, но и из ненависти к демократии (стр. 338). Почему-то это упущено из виду при оценке завоевания Этрурии, хотя в нашем расположении имеются весьма красноречивые факты, связанные с падением Вольсиний.

Книгу заключает третья часть «Проблемы и направления изучения». В рассмотрении некоторых выделенных автором проблем выявляются основные принципы, которыми он руководствовался на протяжении всего труда.

«Антимиграционизм и его пределы» — такова первая, действительно одна из самых острых в новейшей историографии проблем. В ее постановке и попытках ре-

[19] A. Alföldi, Early Rome and Latins, Ann Arbor, 1963.

[20] G. Dumezil, Mitra — Varuna, essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté, P., 1940; он же, L'idéologie tripartie des Indo-Européens, Bruxelles, 1958.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

шения сказывалась резче, чем где бы то ни было, борьба различных идеологий. Достаточно вспомнить Г. Коссину и его последователей, видевших за каждой археологической культурой расу, и ту борьбу против подобных взглядов, которую вели прогрессивные ученые в разных странах. Симпатии самого автора на стороне Г. Чайлда, считавшего, что «культура и раса не совпадают». Ж. Эргону претят также мифы XIX в., которые нашли выражение в романтической навязчивой идее «переселения народов» и в представлении об ордах «белокурых варваров», привлеченных Югом (стр. 365).

Реакцией на эти взгляды явилось направление, отрицавшее всякие вторжения и исходившее при объяснении древнейших судеб человечества из развития местных элементов. Ж. Эргон рассматривает формирование антимиграционизма лишь на почве итальянской науки, где уже в конце 20-х годов началась атака против «священной и неприкосновенной догмы Л. Пигорини о вторжении террамариколов». Может быть, характеризуя антимиграционистские концепции тех лет, следовало бы отметить, что они имели известную националистическую окраску — нежелание уступать чужеземцам какие-либо заслуги в формировании местной культуры.

Не указывая на эту сторону дела, Ж. Эргон в то же время выявляет теоретическую шаткость антимиграционизма в той его форме, которая сложилась в западноевропейской науке. В борьбе против «навязчивой идеи» переселения народов сформировалась другая ложная идея, исключавшая из истории элемент насилия и превращавшая древнейших обитателей Европы в «добрых дикарей». Ж. Эргон уловил серьезный порок этой концепции — неисторический подход к социальным явлениям прошлого. В этой связи автор обращается к книге Н. де Франчини и показывает, что возрождаемая им патриархальная теория связана с антимиграционистским направлением в итальянской науке. По мнению самого Ж. Эргона, родовая организация, переживаемая всеми народами древности в эпоху раннего железа, исключает возможность массовых миграций, но делает вполне возможным переселение отдельных родов и племен.

Выделенный для специального рассмотрения вопрос о происхождении этрусков может рассматриваться как часть той проблемы, о которой шла речь выше. Именно по этому вопросу на протяжении многих десятилетий велась борьба между сторонниками переселений и автотохтонистами. Автор, подобно своему учителю и предшественнику А. Пиганьолю, тоже сторонник восточного происхождения этрусков. В последних он видит тирсенов-пелазгов, смешавшихся с виллановцами (стр. 370).

В разделе «Хронология греческой колонизации и хронология керамики» Ж. Эргон обращается к вопросу, давно уже волнующему историков: можно ли доверять датам основания греческих колоний в Сицилии (и Италии), сохраненным Фукидидом (VI, 4) и более поздними греческими и латинскими авторами? Для проверки этих дат обращались к находимой в местах поселений греков архаической, преимущественно коринфской керамике, представленной несколькими фазами, начиная с так называемой протокоринфской геометрической. Одни историки находили определенное соответствие между датами древнейших колоний и датировкой древней керамики [21]. Другие считали, что керамическая хронология не может быть абсолютно точной [22], а некоторые даже полагали, что, обращаясь к керамике для проверки традиционных дат основания колоний, научная мысль попадает в «порочный круг», поскольку хронология керамики основывается на тех же традиционных данных [23].

Критика, таким образом, обращалась против керамической хронологии, и высказывались сомнения в возможностях проверки с ее помощью данных Фукидида. Но сами эти данные считались заслуживающими доверия. Как раз против этого положения выступил Р. Ван Компернолле, считавший, что вся хронология Фукидида основана не на источниках, а на подсчете поколений, в 35 лет каждое [24]. При такой постановке вопроса, когда от хронологии Фукидида оставались одни «груды развалин», вообще отпадала необходимость ее проверки. Но прав ли Р. Ван Компернолле? Ж. Эргон приходит к выводу, что у нас нет оснований отвергать хронологию Фукидида в целом, поскольку ее основные идеи подтверждаются археологическим материалом. Но это не значит, что каждая традиционная дата основания греческих колоний заслуживает абсолютного доверия.

Здравый подход к античной традиции, веские аргументы против гиперкритицизма, романоцентризма, патриархальной теории, умелое использование археологического материала характеризуют всю книгу Ж. Эргона. Многим авторам учебников не мешало бы поучиться у французского коллеги умению излагать историю по проблемам, ограничивая фактический материал минимумом. В то же время обращает на себя внимание, что

[21] T. J. Dunbabin, The Western Greeks, Oxf., 1948.

[22] G. Vallet, F. Villard, Megara Hyblaea, P., 1964.

[23] F. Villard, La chronologie de la ceramique protocorinthienne, MEFR, 60, 1948, стр. 7 сл.

[24] R. Van Compernolle, Etude de chronologie et d'historiographie siciliotes, Bruxelles — Rome, 1959.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

некоторые, на наш взгляд, важные проблемы освещены Ж. Эргоном слишком бегло, а иные вовсе не затронуты. Не выделена для специального рассмотрения и не поставлена в связь с вопросом о судьбах родовой организации проблема возникновения государства. То же самое можно сказать и о проблеме социальной борьбы в обществах Западного Средиземноморья, хотя автор в ряде случаев касается конфликтов между патрициями и плебеями, аристократией и демократией. Автора нельзя упрекнуть в том, что он недооценивает значение письменности и ее распространение в изучаемую эпоху, но этот вопрос, на наш взгляд, должен изучаться не в рамках истории этрусков. Его было необходимо выделить в заключительную часть книги — тогда бы не выпала из поля зрения тартессийская письменность и, главное, получила бы оценку социальная роль письма. Слишком беглым и даже поверхностным представляется изложение в разделе, посвященном истории Пиренейского полуострова (особенно при сравнении с разделами об истории раннего Рима и Италии). Можно, наконец, пожалеть и о том, что при освещении проблем истории Западного Средиземноморья автор вводит в оборот лишь результаты исследований западноевропейских ученых.

А. И. Немировский

ИСТОРИИ ИМЕНИ Ф. СКО